

- ²⁰ Бахтерев И., Разумовский А. Полководец Суворов. Пьеса. М., 1940. С. 139.
- ²¹ Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы. М., 2004. С. 286.
- ²² Скорин Л.И. Писатель и его время. М., 1965. С. 306–307.
- ²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1013, л. 15; Максименков Л.В. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие) // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 332.
- ²⁴ Ефимов Б.Е. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 195.
- ²⁵ Блюм А.В. Указ. соч. С. 111–112.
- ²⁶ Накануне нападения Германии на Советский Союз на смену «антигерманскому» вузовскому учебнику «История СССР» (1939) пришел новый учебник по отечественной истории под редакцией В.П. Пичеты, М.Н. Тихомирова и А.В. Шестакова, в котором напрочь отсутствовала тема борьбы Северо-Западной Руси с немецкими рыцарями, а князь Александр Невский упоминался в сюжетах, не относящихся к противоборству с Ливонским Орденом (История СССР. Т. 1. М., 1941).
- ²⁷ Александр Фадеев. Письма и документы. М., 2001. С. 96.
- ²⁸ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 214.
- ²⁹ О «нелепой» Семилетней войне напомнили в первые месяцы советско-германского сближения (Коробков Н.М. Сражение при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г. // Военно-исторический журнал. 1939. № 2. С. 80–102).
- ³⁰ Коробков Н.М. Семилетняя война (действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940.
- ³¹ Фибих Д.В. Семилетняя война (1756–1763). М., 1940.
- ³² Корочкова О.Ю. Дневник Ю.Л. Слезкина: внешнеполитические коллизии в оценках русского писателя // Проблемы российской истории. Вып. 7. М.; Магнитогорск, 2006. С. 484.
- ³³ Следует заметить, что незадолго до нацистской агрессии в Советском Союзе возобновилась популяризация Брусиловского прорыва. Печатаются апологетические статьи о генерале А.А. Брусилове, чьи мемуары были также переизданы накануне войны. По мнению историка О.Ю. Корочковой (Стародубовой), в тех условиях пропагандистские структуры привлекла репутация Брусилова именно как организатора победоносного наступления русских войск на австро-германском фронте (Корочкова О.Ю. Художественное переосмысление истории Первой мировой войны в творчестве С.Н. Сергеева-Ценского (1941–1945) // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 359–385).
- ³⁴ Акимов Н.П. Не только о театре. М.; Л., 1966. С. 273.
- ³⁵ Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 310–311.

© 2010 г. Е.Ф. КРИНКО*

ОБРАЗЫ ПРОТИВНИКА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1941–1945 годах

Изучение вопросов взаимовосприятия России и Запада в последние годы превратилось в одно из наиболее активно разрабатываемых исследовательских направлений¹. Особое внимание обращается на то, что в условиях социально-политической напряженности коллективные представления о «других» приобретают враждебный характер. Образ «врага» наделяется всевозможными негативными и сверхъестественными качествами, вызывающими ненависть и страх. Он концентрирует в себе усилия пропаганды, выступая важным фактором мобилизации общества. В данной связи достаточ-

* Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону).

Статья подготовлена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

но показательно формирование образов противника в советском массовом сознании в годы Великой Отечественной войны, ставшей одним из самых интенсивных периодов взаимодействия жителей Советской России и стран Запада. Без учета сложившихся в это время представлений невозможно понять общую логику в развитии их взаимного восприятия.

Формирование образов противников и союзников в массовом сознании советского общества накануне и во время Великой Отечественной войны рассматривали А.В. Голубев², Е.С. Сениянская³, В.А. Невежин⁴ и другие исследователи⁵. В то же время их внимание в основном акцентируется на восприятии противника отдельными группами советских граждан или на отдельных сферах пропаганды, а весь комплекс вопросов, связанных с формированием образа «врага», взаимосвязи между общественным сознанием и системой пропаганды, еще недостаточно изучен.

Необходимо отметить, что в годы Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны как ее составной части организация пропаганды вышла на качественно новый уровень. Воздействуя на общественное сознание, пропаганда мобилизовывала население на выполнение определенных политических задач, от решения которых зависел итог войны. Во всех воевавших странах широко использовались упрощение картины мира и оценок происходивших событий, апелляция к стереотипам и предрассудкам, поиск виновных в развязывании войны и причинении ущерба, разжигание чувства ненависти и страха путем формирования образа «врага».

В СССР в организации пропаганды главную роль играли Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), Радиокomitee и Профсоюз работников искусства (РАБИС), находившиеся под контролем Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). 24 июня для разоблачения целей Германии в войне, мобилизации всех сил и средств на отпор врагу было образовано Советское информационное бюро. Сводки Совинформбюро передавались по радио, ставшему главным официальным источником информации для большинства населения, печатались в газетах. ТАСС и Совинформбюро отвечали за выбор новостей и их правильное освещение в текстах, плакатах и фильмах. Главное внимание в пропаганде уделялось прославлению любви к советской Родине и ненависти к врагам-захватчикам, которые стали ассоциироваться с немцами.

Попытки сформировать в России образ немца-врага отмечаются еще в годы Семилетней войны. Однако вплоть до начала XX в. немец оставался для большинства россиян «чужим», но не враждебным⁶. Негативный характер образа немца в глазах русского обывателя приобрел в годы Первой мировой войны, когда пресса представляла неприятеля в виде чудовища, дикаря, варвара, подчеркивая систематические нарушения германской армией военных законов и обычаев⁷. Однако последующая революционная смута породила новых «врагов», заставив на какое-то время забыть о старых. В процессе развития советского государства в роли «врагов народа» оказывались помещики и «буржуи», «троцкисты» и «вредители», «кулаки» и прочие «контрреволюционеры».

Периодически советская пропаганда обращалась и к внешним угрозам, важнейшую из которых после прихода Гитлера к власти представляла Германия. В 1933–1939 гг. газеты и журналы, книги и кинофильмы создавали резко отрицательный образ нацистов. При этом немецкий народ отделялся от руководителей Третьего рейха и изображался одновременно в виде жертвы и борца с фашизмом, действующего под руководством коммунистов⁸. Поэтому в советском обществе предвоенных лет отсутствовали явные антинемецкие настроения. Стереотипом восприятия немца оставался «толстый, благодушный, обычно чуть забавный скупердяй, вечно с кружкой пива в руке, с женой, отличной хозяйкой, всегда возившейся на кухне и готовый угостить друзей»⁹.

С заключением советско-германского пакта о ненападении антифашистская пропаганда в СССР была свернута. Были изъяты книги о германском фашизме, а из проката снят фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский». Когда одной сыктывкарской школьнице понравилось стихотворение, «в котором говорилось о жестокости фашистов, может быть, в связи с событиями в Испании», руководитель кружка чтецов ска-

зал, что оно не подойдет, «так как наша страна заключила с Германией мирный договор; поэтому нельзя говорить о фашистах плохо». Озадаченная девочка «никак не могла понять, почему к фашистам так резко изменилось отношение, ведь у советских людей уже сложилось устойчивое негативное отношение к ним»¹⁰. В.А. Невежин отмечает, что очередной поворот в пропаганде начался после выступления Сталина перед выпускниками военных академий Красной армии 5 мая 1941 г., в условиях нарастания угрозы развязывания боевых действий¹¹. Завершиться к началу войны он так и не успел, в сообщении ТАСС 13 июня 1941 г. говорилось о незыблемости советско-германской дружбы.

В результате для большинства населения СССР нападение Германии стало неожиданным, хоть и предсказуемым событием, а само слово «война» так «ударило по душе, по сердцу, по сознанию, как будто что-то такое страшное, непоправимое случилось»¹². В то же время у многих сообщение о начале войны не вызвало страха, поскольку под воздействием предвоенной пропаганды люди верили в победу Красной армии над противником «малой кровью и на чужой территории», и вряд ли кто мог представить себе всю тяжесть предстоявших испытаний. Иностранные журналисты, находившиеся в СССР в начале войны, удивлялись поразительному оптимизму жителей. Согласно Э. Кордуэллу, американцы прочили падение Москвы уже через 2–3 недели после вторжения немецких войск. Русским эта мысль попросту не приходила в голову¹³.

Особенно широко оптимистические настроения были распространены среди молодежи. Немало юношей переживало, что война закончится за месяц – полтора, до того, как они попадут на фронт: «Ну вот, – рассуждали, – немцев быстро разобьем, а из-за своего возраста повоевать так и не успеем, не сможем показать себя героями»¹⁴. Люди постарше, помнившие невзгоды Гражданской войны, как правило, спешили запастись продуктами и товарами первой необходимости. По воспоминаниям известного этнографа В.И. Козлова, встретившего начало войны 17-летним юношей, родители сразу послали его за солью и мылом, а сами «заторопились в другой магазин купить что-то из текстиля на имеющиеся деньги»¹⁵. Эти действия являлись типичной реакцией людей, привыкших жить в условиях хронического дефицита в стране, где несколько лет назад была отменена карточная система.

К тому же в массовом сознании советского общества сохранялась широко пропагандировавшаяся в СССР вера в классовую солидарность трудящихся всех стран, включая и государства фашистского блока. По словам еще одного очевидца и историка М.И. Семиряги, в начале войны «мы на фронте и в тылу не испытывали ненависти к германским солдатам» и рассчитывали на то, что немецкие рабочие и крестьяне поднимут восстание против фашизма¹⁶. Для опровержения иллюзий требовалось время, а в первые дни и даже недели отдельные граждане заявляли, что немцы – «культурнейшая нация Европы», у которой следует поучиться организации промышленности и транспорта, и мирным гражданам их нечего бояться. Встречались утверждения, что немцы ведут войну только против коммунистов, евреев и руководителей, а остальным Гитлер несет хорошую жизнь¹⁷. В западных районах СССР жители часто отказывались эвакуироваться, не желая оставлять место, где они родились и выросли, бросать дом и имущество.

Обращает на себя внимание определенная «неповоротливость» советской пропагандистской машины в начальный период войны. Уже 22 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов предложил дать указания печати и Радиокомитету провести широкое разъяснение того, что «война будет как никогда жестокой». С согласия Сталина данное предложение приняли без обсуждения. Но первые сводки сообщали, что «противник отбит с большими потерями» почти на всех направлениях, это должно было, по мнению руководства, успокоить население и вселить надежду¹⁸. И когда после неоднократных утверждений о том, что «ничего существенного» на фронте не произошло, Совинформбюро сообщило об оставлении советских городов, это «показалось невероятным и диким»¹⁹. Только выступление Сталина 3 июля ясно дало понять, что нужно готовиться к суровым испытаниям. В письмах бойцов и ко-

мандиров Красной армии домой появились слова о том, что борьба будет «длительная и жестокая, что нам придется приносить большие жертвы», а «враг силен, жесток и коварен», хотя они все еще не теряли веры в победу²⁰.

Реализацию новых пропагандистских задач усугубляли общая неразбериха и паника, противоречивость и отрывочность сведений, доносившихся с фронта, отсутствие необходимых материалов. С первых дней войны советская периодика печатала рассказы о тяжелом положении в странах, захваченных фашистами, сопротивлении их жителей, а в конце лета появились публикации документов, очерков и статей о насилии над жителями оккупированной территории СССР и советскими военнопленными. При этом в борьбе с фашизмом предполагалось сплотить прогрессивные силы всего человечества, в том числе и самих немцев, «незараженных» нацистскими идеями (считалось, что таких подавляющее большинство). Первоначально советская печать рассказывала о том, что германский народ «ждет мира», а среди германских солдат «царит подавленное настроение» в связи с нападением на СССР²¹.

Даже после первых тяжелых поражений Красной армии советская пропаганда продолжала рисовать картины жестокого разгрома вермахта²². На первых плакатах Гитлер и другие нацистские руководители выглядели скорее беспомощными и почти побежденными, чем угрожающими. Недостаточность и неэффективность советской пропаганды и агитации начала войны хорошо осознавались отдельными политработниками, призывавшими печатать «побольше документов о зверствах, о политике реставрации капитализма и помещичьей кабалы, проводимой немцами, об оскорблении немцами русского национального достоинства»²³. В то же время в результате складывавшейся не один год привычки немало советских граждан сначала скептически воспринимало сообщения о зверствах немцев, их грубом и жестоком поведении на захваченной территории, совершенно не соответствовавшие прежним представлениям. Военный переводчик И.И. Левин отмечал: «Нам в это трудно было поверить... все-таки захватчик пришел из Европы, из Германии, культуру которой мы чтили со школьных лет»²⁴. Тем не менее постепенно отношение к противнику стало меняться, захватчики в глазах советского населения приобрели черты жестокого, коварного и сильного врага, чьи действия вызывали ненависть и страх. Динамику представлений о противнике отразила эволюция взглядов героя рассказа М.А. Шолохова «Наука ненависти» лейтенанта Герасимова. Если в начале войны он «привык с уважением относиться к немецкому народу», то, пройдя через плен, говорил: «Мы озверели, насмотревшись на все, что делали фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками»²⁵.

Определенные изменения произошли и в наименовании противника, понятия «немцы» и «фашисты» стали восприниматься как синонимы: любой немец оценивался не только как потенциальный, но и как реальный враг. С конца 1941 г. интернациональный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» полностью уступил место патриотическому призыву «Смерть немецким оккупантам!». И.Г. Эренбург отмечал: «Врагов одни зовут “германцами”, другие “фашистами”, третьи – “гитлеровцами”, но все их равно ненавидят»²⁶. Позже он писал: «О врагах наш народ говорит: “немец”, “фашист” – или даже еще короче: “он”»²⁷. В качестве наименований противника также использовались собственные имена: «фрицы» и, реже, «гансы». Наричательным именем стала и фамилия нацистского диктатора: «О немецкой армии колхозники говорят “Гитлер”»²⁸. Тем самым ответственность за жертвы, перенесенные страдания и унижения возлагалась не только на верхушку Третьего рейха, но и на военнослужащих оккупационных войск, которые убивали, насиловали и грабили, на жителей Германии, широко использовавших подневольный труд «восточных рабочих» и с нетерпением ожидавших «подарков» с захваченных территорий: «Наивные люди полагали, что Германия – страна, а она стала огромной воровской организацией. Думали, что немцы – народ, а они стали многомиллионной бандой»²⁹. В то же время Эренбург не раз подчеркивал, что речь идет не о мести, а о справедливости, красноармейцы не станут убивать стариков, женщин и детей в Германии или сжигать немецкие музеи. Но до тех

пор, пока оккупанты-гитлеровцы находились на советской территории, их следовало уничтожить всеми возможными способами³⁰.

В создании враждебного образа немца использовались различные формы и средства, учитывавшие особенности разных групп советских граждан: агитационная литература, плакаты, фильмы и кинохроники, радиопередачи, митинги мести, беседы агитаторов, выставки и др. Например, специальные листовки обращались к женщинам, молодежи, детям, жителям освобожденных и тыловых регионов. На фронтовиков были рассчитаны плакаты «Кто сегодня в немца не попал, – у того задаром день пропал» и «В бою минута дорога, коль хочешь жить – убей врага!», на женщин – плакат «Фашизм – злейший враг женщин». Плакаты вообще играли особую роль в системе советской пропаганды, способствуя визуализации образа противника, давая возможность представить «воочию» захватчика. Специфический плакатный стиль придавал облику врага стилизованный, деперсонифицированный характер, усиливая чувство ненависти. В то же время нередко подчеркивалось жалкое и трусливое поведение противника, прославлялись мощь и мужество противостоявших ему советских войск, что должно было воспитывать веру в победу у населения. В создании плакатов в годы войны участвовали более 300 художников – Кукрыниксы, П. Соколовский-Скала, И. Тоидзе, Б. Ефимов и другие. В качестве главного анималистического образа «фашистского гада» на плакатах использовалась змея, в русской иконографической и мифологической традиции символизирующая несчастье и зло. К. Вашик обращает внимание на то, что графически данный мотив представлялся удобным еще и потому, что позволял при помощи умножения змеиных тел построить символ свастики³¹.

Не меньшую роль в создании образа «врага» сыграли писатели и поэты, многие из которых во время войны стали военными корреспондентами, – К.М. Симонов, А.Н. Толстой, В.С. Гроссман и особенно Эренбург. Он прославлял великую и безграничную ненависть советских людей к немцам-фашистам, убеждая, что убийство немцев – личное дело каждого бойца и командира: «Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя... Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев»³². В подобном же духе, хотя и не всегда столь откровенно писали о противнике и другие авторы. Толстой призывал: «Ты любишь свою жену и ребенка, выверни наизнанку свою любовь, чтобы она болела и сочилась кровью... Убей зверя, это твоя священная заповедь»³³. Однако именно Эренбург стал во время войны главным кумиром миллионов советских читателей потому, что сумел наиболее полно и точно выразить их чувства. В свою очередь, пропаганда противника также обращалась в первую очередь к его текстам в процессе создания образа «врага». Всего во время войны к пропагандистской и агитационной работе в СССР было привлечено около 1 тыс. литераторов, 275 из которых погибли.

Пропаганда сформировала представления о том, что противник утратил право считаться человеком. Впрочем, соотнесение врагов с дикими животными также казалось недостаточным. Толстой писал, обращаясь к противнику: «Зверями вас назвать нельзя, – дикие звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством и не проливают крови себе подобным. Нельзя назвать вас и сумасшедшими, потому что вы совершаете зверства абдуманно и планомерно, по инструкциям бюро пропаганды германской армии»³⁴. Позже он утверждал: «Не оскорбляйте варваров, называя этим именем солдат Гитлера. Не обижайте природу, называя дикими зверями солдат Гитлера. Они просто – *падшая сволочь*»³⁵. Похожие чувства испытывал к противнику конструктор-танкостроитель Н.А. Астров: «Оказалось, что это не люди и даже не звери, так как любые звери, даже самые кровожадные, если бы они могли понять, что их приравнивают к немцам, оскорбились бы до предела. Жестокость, бесчеловечность, вандализм, безграничное и беспрецедентное издевательство над людьми и культурой всех народов, кроме выдуманной немцами “арийской расы”... Просто не хватает слов, чтобы оха-

рактизовать эту породу изуверных фашизм двуногих»³⁶. При характеристике противника применялись слова и выражения «изверги», «палачи», «людоеды», «бандиты», «двуногие чудовища», а то и прямые ругательства – «уроды», «подлецы», «мерзавцы», «мошенники», «паразиты» и т.д.

Таким образом, противостояние «своих» и «чужих» приобрело классический характер борьбы светлых сил, защищавших добро, с темными силами, олицетворявшими зло. Второй куплет известной песни «Священная война» зафиксировал принципиальные различия сторон: «Как два различных полюса / Во всем враждебны мы: / За свет и мир мы боремся, / Они – за царство тьмы». Дихотомия закреплялась традиционным цветовым решением: на плакатах советский воин изображался красным цветом, а неприятель – черным. Борьба могла закончиться только победой одной из сторон и гибелью другой, компромисс между силами добра и зла был в принципе невозможен. При этом образ противника мог отличаться у представителей разных групп советского общества, поскольку не совпадали их взгляды на природу и сущность мирового зла: «Для старых бабок в деревне Гитлер – это антихрист. Для молодого астронома, шорца³⁷, отец которого верил в колдовство и отдавал последнюю овцу шаману, Гитлер – это тьма»³⁸.

В пословицах, поговорках, частушках и других фольклорных произведениях военного времени захватчики сравнивались со злыми, экзотичными животными (псом, волком, верблюдом), с представителями нечистой силы («нечистью»), как существами иного, запредельного понимания мира (вампиром, чертом, сатаной)³⁹. Например, в песнях казаков-некрасовцев враг именовался «Идолище поганое», «антихрист», «Змей-Горыныч», «Змей-Тугаринин». Однако эти эпические образы зла казались слишком бледными на фоне масштабов насилия и ненависти на оккупированной территории. Для усиления впечатления употреблялись выражения: «Будь ты трижды проклят, Гитлер!», «Будь ты тысячу трижды проклятый!»⁴⁰. Е.С. Сеньевская отметила преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника, вследствие чего «те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматриваются, как правило, в негативном ключе»⁴¹. Героизм и мужество, долг и честь, мастерство и выносливость, находчивость и отвага, боевая стойкость, инициатива и другие понятия, имевшие положительные коннотации, использовались только по отношению к «своим», поскольку считалось, что у немецких солдат не могло быть никаких нравственных ценностей.

В то же время советская пропаганда признала высокие военные качества вермахта, подчеркивая, что Красной армии противостоят хорошо обученные и вооруженные профессионалы, в совершенстве овладевшие военной техникой: «Кто станет отрицать военные качества немецкого солдата? С детства они жили одним: подготовкой к войне»⁴². Облик глупого, жадного и трусливого оккупанта, которого легко убить, сохранился в основном в художественных произведениях и кинофильмах. При этом считалось, что в основе поведения немецких солдат лежала «механическая дисциплина», они напоминали «машины для убийств», лишённые всяких чувств, а если совершали действия, выходившие за рамки общепринятого поведения и характеризующиеся как «героические» для советских военнослужащих, их объясняли фанатизмом «осатаневших головорезов» и «гитлеровских маньяков», одурманенных фашистской пропагандой и алкоголем. Советская пропаганда также утверждала, что, в отличие от бойцов и командиров Красной армии, осознанно жертвовавших жизнями ради Родины, немцы воевали, во-первых, из жажды наживы, личной заинтересованности в ограблении захваченных территорий, во-вторых, из страха перед своими командирами, что неминуемо обрекало их на поражение. Если советских бойцов сближали дружба народов и настоящее фронтовое товарищество, то армию агрессора объединяла круговая порука, как банду преступников. Тем не менее гитлеровцы и их союзники «грызутся друг с другом» как «пауки в банке»⁴³. Редуцируя действительность, подобные представления, как и другие пропагандистские штампы, четко выражали смысл противостояния двух систем, осознаваемый большинством советского населения.

Несмотря на то что именно Германия для России традиционно выступала одним из главных «каналов» сообщения с европейской культурой, подобная пропаганда не несла в себе антизападничества. Напротив, писатели и журналисты подчеркивали, что нацизм угрожает миру, а советский солдат освобождает поработленную гитлеровцами Европу. Освещение участия в войне союзников показывало, что СССР не одинок в своей борьбе, при этом им выражалась признательность за помощь, оказываемую по ленд-лизу, высказывалась критика за затягивание открытия «второго фронта». Широко использовались исторические параллели, позволявшие обнаружить в прошлом истоки и предпосылки немецкой агрессии в отношении славян⁴⁴. Германская армия сопоставлялась и с другими завоевателями: кочевниками, досаждавшими еще Киевской Руси, монголо-татарами (вермахт – «проклятая орда», установившая «немецкое иго»), французами (Гитлера нередко изображали в костюме и шляпе Наполеона, подчеркивая ожидавший его бесславный конец).

Контраступление советских войск под Москвой позволило использовать в пропагандистских целях кино- и фотодокументы, зафиксировавшие следы разрушений на освобожденных территориях, и рассказы жителей, прежде всего детей. Сотни школьников городов и сел Подмосковья описывали «суровые дни оккупации», повсеместное насилие захватчиков, поджоги и грабежи домов местных жителей, пытки и казни пленных красноармейцев: «Разве все это можно забыть? Нет, такое никогда не забывается!»⁴⁵. Рассказы очевидцев фиксировали не только потрясающую жестокость, но и низкую культуру и грубость завоевателей: «Немцы раздевались донага, никого не стеснясь, и стряхивали с себя кучи вшей. Как было противно убирать после них!... Как было обидно варить своих кур для этих вшивых обжор!». Грабя и насилая мирных жителей, солдаты вермахта в то же время боялись партизан и советской авиации, что свидетельствовало об их трусости⁴⁶.

В начале 1942 г. из рассказов детей, переживших немецкую оккупацию, был составлен специальный сборник «Слушай нас, Родина!». Несовершеннолетние авторы описывали пережитый голод и холод, казни, пытки и грабежи советских граждан. После того, как у 10-летнего Б. Овсова убили мать и закопали живым в землю младшего брата, он сначала хотел умереть, а потом решил жить, «чтобы вырасти и отомстить фашистам»⁴⁷. На глазах у 12-летнего Ю. Горохова оккупант бросил в костер 3-летнюю девочку, сказавшую, что ее отец бьет на фронте фашистов: «Это было так страшно, что я думал, что сойду с ума»⁴⁸. Подобные описания формировали образ жестокого врага – садиста, мучителя, которого требовалось уничтожить, чтобы отомстить за смерть родных, за причиненные физические и моральные страдания. Обращаясь к отцу-красноармейцу, 11-летний Н. Алешин, мать которого оккупанты забили плетью, писал: «Папа, убивай фашистских собак без пощады. Папа, убей за маму сто фашистов!»⁴⁹.

Ребенок всегда считался главным объектом, нуждавшимся в защите, и испытываемые им страдания говорили о том, что советский мужчина не справлялся со своей главной функцией защитника – мужа, отца, брата. Не случайно, что и на плакатах объектом посягательства врага обычно выступали женщина-мать и беззащитные дети. Отсутствие мужских фигур было призвано вызвать у зрителя чувство личной ответственности, сопричастности к происходившим событиям. В то же время в советских плакатах практически не использовался образ молодой девушки или женщины, подвергавшейся насилию со стороны оккупантов, в отличие от нацистской пропаганды, подчеркивавшей сексуальную похотливость большевиков⁵⁰.

Одной из специфических форм закрепления негативного образа «врага» стали сочинения, писавшиеся в школах на освобожденной территории. Описывая свои переживания во время немецкой оккупации, школьники вспоминали о военнотружущих противника как о «звериных немецких солдатах», «злых поработителях», желавших «сделать нас рабами», заставлявших стирать белье, чистить обувь, мыть котелки, отмечали их «зверинный разговор»⁵¹. Использование этих и других подобных им оборотов и выражений позволяет говорить о высокой степени проникновения пропагандистских стереотипов в советское массовое сознание в годы войны. Советское руководство

в полной мере оценило эффективность использования в пропагандистских целях впечатлений свидетелей немецкой оккупации. Уже весной 1942 г. жителей освобожденных районов стали посылать «для выступлений на собраниях трудящихся с рассказами о пережитых ужасах немецкой оккупации» в тыловые районы: «Их простые, прочувственные слова особенно убедительно показывают звериное лицо германского фашизма, усиливают ненависть к немецким захватчикам, вызывают новую мощную волну патриотического подъема». Только одна группа из 5 колхозников из Подмосковья за 22 дня провела 316 выступлений в Куйбышевской, Челябинской, Омской и Новосибирской областях, на которых присутствовала 71 тыс. человек⁵².

Причин для ненависти советских граждан по отношению к противнику, действительно, было предостаточно. Тем не менее отдельные пропагандисты прибегали к откровенному вымыслу. Так, политработник 2-й резервной армии капитан А.А. Воловик решил в статье в армейской газете «За отечество» не повторять уже известные сведения, а «описать новые факты неслыханной жестокости гитлеровцев по отношению к пленным красноармейцам и советским гражданам». Вспомнив об увиденных им фотографиях в 310-й дивизии, изображавших скальпированного красноармейца и расчлененный пополам труп другого бойца, Воловик решил придать этим фактам больше убедительности и сочинил дневник с описанием зверской расправы. Далее в статье он описал услышанную в Киргизии историю о закапывании в землю людей, по головам которых ездили тракторы, связав ее с другими фактами, о которых «читал, находясь на Волховском фронте». Но, как позже сам признал, материалов, «описывающих этот акт на Волховском фронте, не видел». Впрочем, таких случаев было немного, военная цензура стремилась их строго пресекать⁵³.

«Правильное» изображение врага вообще являлось одной из важнейших задач советской пропаганды. Цензура требовала избегать «шапкозакидательства и бахвальства», т.е. недооценки силы противника, и в то же время не преувеличивать его мощь и военное искусство. Строго запрещалось публиковать сведения, которые могли вызвать «паническое и упадническое настроение как в действующей армии, так и тылу: преувеличенные данные о результатах боевых действий противника, его материальных и технических ресурсах, переоценка морального и боевого состояния армии противника»⁵⁴. Под запрет попадали публикации, в которых имелись «факты явно выраженного преклонения некоторых авторов перед немецкими учеными»⁵⁵. Критике подвергались книги по истории за то, что в них «не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю, доказывавших, что именно немцы принесли русским начала государственности и т.д.»⁵⁶. Особенно жестко пресекались сообщения из оккупированных областей, рассказывавшие о доброжелательном отношении немецких солдат к местному населению, рассматривавшиеся как «ошибки военно-политического характера»⁵⁷. Так, в брошюре Дубровицкого «Под игом немецких угнетателей», изданной Госполитиздатом тиражом в 30 тыс. экземпляров, цензура обнаружила «отдельные факты, не вызывающие ненависти нашего народа к немецким оккупантам», признав некоторые из них «политически неправильными и вредными». К ним, например, были отнесены утверждения автора о том, что германское командование предпринимало меры против грабежей, а в ряде мест оккупанты оставили на своих местах прежних председателей колхозов⁵⁸.

Чувство ненависти на самом деле стало господствующим в отношении к противнику у подавляющего большинства советских бойцов и командиров: оно усиливалось под воздействием гибели боевых товарищей, перенесенных страданий, широко освещавшихся в печати зверств над советскими военнопленными, а также той картины, которая возникала при освобождении оккупированной территории. К.М. Симонов отмечал в конце 1941 г.: «В плен наши бойцы брали неохотно. Да и трудно их было за это упрекать: войска шли через деревни, сплошь, дотла сожженные немцами»⁵⁹.

Одной из форм публичного выражения ненависти к противнику стали письма фронтовиков в редакции газет, советских, партийных и комсомольских органов родных городов и районов. Так, лейтенант Н.Е. Журба, уроженец станицы Елизаветин-

ской Краснодарского края, писал в редакцию районной газеты: «Я мстил гитлеровским гадам за своего отца, которого они убили под Орлом, я мстил им за все злодеяния, за нарушенную нашу счастливую жизнь». Вступление на территорию Германии давало возможность наконец-то на практике реализовать испытываемые чувства к захватчикам: «Мы идем в фашистское логово. Врага ждет суровое возмездие. Настанет день суда – мы не забудем Майданек, Бабий Яр, мы припомним гадам все их смертоносные печи и душегубки!»⁶⁰. О том же говорилось и в личных письмах: «Мы ведь тоже будем в Германии, тогда припомним им все»⁶¹. Вполне объяснимо, что эта выстрадавшая ненависть к противнику переносилась на всех жителей Германии: «Мама, как посмотреть на немецких дорогах толпы ихних беженцев, вспоминаются тяжелые дни, когда наш народ вынужден был уходить вглубь страны, а ихние сынки и мужья на самолетах носились над нашими матерями и били их из пулеметов и бомбили, то просто в глазах темнеет от злости и гнева. И я эту сволочь ничуть не жалею, им достается по заслугам. Кто из них уцелеет, долго будет помнить эту войну (орфография оригинала сохранена. – Е.К.)»⁶². Другой фронтовик сообщал домой: «Немцам сейчас наши войны мстят, как могут. Не один дом запылал от мстителя. Смерть за смерть, кровь за кровь. Батя, но я еще за Шуру и Васю не отомстил»⁶³.

Однако когда советские войска оказались в Германии и других европейских странах, тон и содержание пропаганды в очередной раз изменились: в ней снова возобладало разделение на «немцев» и «фашистов», призванное не допустить расправ над мирным населением. Советское командование строго пресекало акты насилия со стороны отдельных военнослужащих, а в разжигании ненависти был обвинен Эренбург. 14 апреля 1945 г. в «Правде» была опубликована написанная по личному заданию Сталина статья начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», призванная дезавуировать его антифашистскую публицистику, чтобы склонить немцев к сдаче. Впрочем, многие, хоть и далеко не все советские бойцы и командиры сами к этому времени стали разделять в Германии женщин, детей, стариков и военнослужащих вермахта.

Для мирных советских граждан созданный пропагандой образ «врага» также находил подтверждения в их личных столкновениях с оккупантами. Крестьяне колхоза «Пробуждение» Красненского района Смоленской обл. говорили, что «при немцах» они жили «в страхе за свою жизнь и за жизнь людей»⁶⁴. Систематический террор, насилие и грабежи порождали ответное сопротивление населения. Свообразным проявлением анинемецких настроений в советском тылу стал отказ учащихся изучать «язык врага». Ненависть переносилась и на немецких военнопленных: при прохождении их колонны по улицам Москвы в 1944 г. со стороны горожан звучали не только восторженные возгласы в честь Красной армии, но и выкрики: «Сволочи, чтобы они все подошли»; «Почему вас не перебили на фронте»⁶⁵. Пленные немецкие офицеры отмечали, что не все советские граждане после ужасов оккупации обладали способностью «видеть различие между немцем, превратившимся в преступника, и теми немцами, которые сохранили в душе искру человечности»⁶⁶.

Однако опросы последних лет позволили зафиксировать и иное отношение к оккупантам: «Немцы во время оккупации не обижали. Угощали нас часто из собственных посылок конфетами и шоколадом»⁶⁷. Немало очевидцев отмечает факты доброжелательного отношения оккупантов, дававших землю и лошадей, распустивших колхозы и даже защищавших от наиболее «ретивых» полицейских, стремившихся свести счеты со своими соседями. Подобные оценки содержатся и в рассекреченных документах военного времени. Крестьянка Титова из уже упомянутого колхоза «Пробуждение» на Смоленщине говорила: «Немцы у нас никого не трогали, они только забирали членов семей, которые участвовали в партизанах. Наши полицаи больше издевались над нами»⁶⁸. Сами военнослужащие вермахта порой удивлялись отношению к ним со стороны советского населения, особенно с учетом того, что творили оккупационные войска на захваченной советской территории: «Разве это не странно – большинство из них не испытывает никакой ненависти даже к немцам: откуда у них берется эта не-

поколебимая вера в человеческое добро, это неисчерпаемое терпение, эта самоотверженность и кроткая покорность»⁶⁹. Однако советское руководство во время войны рассматривало подобные взгляды как «нездоровые настроения», а выражавшие их лица могли понести уголовную ответственность за «восхваление противника». Еще более строго пресекались любые попытки установить «нормальные» взаимоотношения с военнослужащими противника на фронте⁷⁰.

На формирование представлений о противнике значительного числа советских граждан сказалось их пребывание в Германии в качестве «восточных рабочих». После репатриации проводились опросы «остовцев» с целью «поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан», для привлечения их к суду и возмещения затрат. Остарбайтеры отмечали грубость и жестокость со стороны хозяев, дискриминацию по сравнению с немецкими рабочими, пережитое унижение: их продавали, как скот, присваивали номера вместо имен, лишая личного, индивидуального начала⁷¹. В то же время записи воспоминаний последних лет содержат более разнообразные оценки немцев. Получив возможность свободно излагать свои взгляды спустя десятилетия по окончании войны, бывшие «остовцы» вспоминают не только немцев, которые подвергали советских граждан физическим истязаниям, но и тех, кто помогал им выжить⁷².

Помимо собственно немецких соединений, в боевых действиях на советской территории участвовали части и соединения Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии, Хорватии и Испании. Уже к концу июля 1941 г. войска стран-союзниц и сателлитов Германии насчитывали примерно 30% всех сил, воевавших на Восточном фронте, в дальнейшем их численность продолжала возрастать. В пропаганде и массовом сознании нашли свое отражение образы представителей различных национальностей, воевавших на стороне вермахта. Например, в сатирической листовке, выпущенной в декабре 1942 г., приводился следующий текст «объявления» с театра военных действий, напоминавший театральную афишу с перечнем действующих лиц и исполнителей: «Немецкая армия – “Братья-разбойники”. Румынская армия – “Живой труп”. Венгерская армия – “Слуга двух господ”». Далее следовало еще одно объявление, касающееся румын: “Ищу” чего-нибудь покушать... Румынский солдат»⁷³. Боевые качества войск союзников и сателлитов Германии, как правило, оценивались невысоко. Отмечая постепенное ухудшение качества немецких войск, Эренбург писал, что даже в 1943 г. немецкая рота «стоит итальянского полка»⁷⁴.

Одним из немногих исключений стали финны, боевые действия с которыми стали своеобразным продолжением советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Несмотря на то что пропаганда стремилась создать образ «белофиннов», угнетавших собственный народ и проявлявших агрессивные устремления в отношении Советской России, восприятие финнов не приобрело столь угрожающего и негативного характера, как немцев. В воспоминаниях участников «зимней» войны нередко отмечается: «Как солдаты финны очень хорошие». Отдельные мемуаристы признают, что и в годы Великой Отечественной войны финны «воевали лучше, чем немцы», поскольку они хорошо знали местность и были подготовлены к условиям боевых действий⁷⁵. Кроме того, в отличие от большинства других союзников Германии, участвовавших в войне за чужие интересы, финны полагали, что ведут справедливую борьбу. Положение советских военнопленных, по крайней мере, женщин, в Финляндии было несколько лучше, чем в немецком плену. Лейтенант медицинской службы 3-й Ленинградской добровольческой дивизии Ц. Леечкис вспоминает, что финские солдаты относились доброжелательно к захваченным девушкам, «жалели нас, таких молодых, участниц войны»⁷⁶.

Анализ воспоминаний очевидцев о финской оккупации Карелии в 1941–1944 гг. позволяет говорить о дуалистической модели отражения образов финнов в памяти местного населения, основанной на национальных различиях респондентов. Это объясняется тем, что финская политика на захваченной территории существенно различалась по отношению к «родственным» (финно-угорским) народам и всем остальным. Представители национальностей, отнесенных финнами к «родственным», отмечают:

«Не сказать, чтобы уж финны злые были. Нормальные люди». Они рассказывают, что в период оккупации не испытывали голода, дети посещали школы, где их кормили обедом, взрослые и подростки за работу получали зарплату, на которую можно было купить необходимые продукты и вещи. Наказывали финны только за совершенные проступки, например, воровство⁷⁷. Напротив, представители «неродственных» национальностей ссылаются на перенесенные голод и страдания вследствие того, что финны – «народ жестокий», к ним «плохо относились»⁷⁸. Впрочем, часть респондентов, относящихся к данной группе, также отмечает: «Финны нам худого не делали. Пришли мирно, и ушли мирно»; «Не все были плохие, были и плохие, и хорошие»⁷⁹.

В целом, большинство очевидцев, сравнивая свою судьбу с положением жителей в других захваченных регионах СССР, например в Белоруссии, пришли к выводу: «У нас такого, как у немцев не было», финны «не издевались, как, по слухам, немцы – говорят, что те жгли деревни, да людей в амбарах жгли»⁸⁰. Данные оценки можно рассматривать в качестве попытки «вписать» несовпадающий с коллективными представлениями индивидуальный опыт переживания прошлого в общий контекст исторической памяти о войне. Она характерна и для ряда очевидцев немецкой оккупации, чьи взгляды отличаются от общепринятых утверждений – «зверства были, но не у нас». Отсутствие же в советском обществе образа финна-врага во многом объясняется осуществлявшейся в СССР политикой памяти: тема ненависти к финским оккупантам не культивировалась, так как отношения с Финляндией после войны считались дружественными и добрососедскими. Напротив, как отмечает Е.С. Сеньявская, финский кинематограф на протяжении десятилетий закреплял совершенно иные представления о России⁸¹.

Большинство других союзников Германии действовали на юге России и были разгромлены в 1942–1943 гг. Обращаясь к составу захваченных Красной армией военнопленных, как «мутной накипи обезоруженных головорезов», Шолохов писал: «Именно стяжание и разбой объединили эту банду бестий и висельников, промышлявших под черным знаменем с раскоряченной фашистской свастикой». Однако в плену внешний облик и поведение «грабителей, поджигателей и убийц» разительно изменились. Особенно жалким выглядит описание итальянских берсальеров, на касках которых «повисли обтрепанные петушиные перья»⁸². Другие публицисты также внесли свой вклад в создание образа итальянских войск как армии, которая «немедленно сдается в плен»⁸³. В советском массовом сознании итальянцы воспринимались как печальные, замерзающие в русских снегах уроженцы юга, бессмысленно погибавшие на ненужной им войне⁸⁴. В то же время в итальянских трофейных документах не раз сообщается «о незаконном изъятии овощей и другой зелени с огородов и полей местного населения», жалобах местных жителей по поводу «реквизиций» и другого нанесенного им ущерба. Участвовали итальянцы и в борьбе против советских партизан⁸⁵.

Из всех союзников Германии, пожалуй, румыны в наибольшей степени ассоциировались в глазах советского населения с настоящей «грабь-армией» и запомнились населению оккупированной территории, прежде всего, постоянными грабежами и мародерством. По воспоминаниям жителей захваченных районов Северного Кавказа, в этом они далеко превосходили немцев, которые «меньше обижали»⁸⁶. В то же время румыны не вызывали и такого страха, как немцы. Очевидцы немецко-румынской оккупации Украины отмечали: «Мы их не боялись. Они нас не стреляли, не били. Не то, что немцы, вот те вели себя очень жестоко». Показателен рассказ о том, как у румынских военнотружеников от непривычной пищи началось сильное расстройство желудка, и жители их вылечили, сварив кукурузную кашу. Представления о слабом и больном румынском солдате («мамалыжнике»), нуждавшемся в помощи, мало соответствуют образу ненавистного оккупанта, и вывод закономерен: «Так что мы их не воспринимали как врагов»⁸⁷. Между тем румынские войска проявили немало жестокости, особенно на территории, предназначенной для передачи в состав Румынии. Только в Одессе, оккупированной румынскими войсками, было расстреляно 25 тыс. евреев. Естественно, что у жителей городов и районов, находившихся в румынской оккупации, сохра-

нились негативные представления о захватчиках. Поэтому, когда Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, советские граждане выражали недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с ней⁸⁸.

Жестокостью по отношению к местному населению отличались и венгерские оккупанты. Только в Острогожском районе Воронежской обл. за годы оккупации венгры расстреляли 1 009 жителей (из них 287 детей), подвергли пыткам и истязаниям 15 тыс. человек, угнали в Германию 26 тыс. жителей⁸⁹. Всего же в Воронежской обл. за время венгерской оккупации было уничтожено около 50 тыс. человек. Память о жестоких «мадьярах-басмачах», оказавшихся «хуже немцев», надолго сохранилась у населения ряда оккупированных районов. В конце войны старший лейтенант Н.И. Лысенко в письме к матери из Венгрии сожалел, что война еще не окончена, «ведь еще есть мадьяры и немцы, которые были в Воронежской области, которые сожгли мой дом, лишили Вас крова, хлеба и одежды». Сообщив, что венгры в массовом порядке сдаются в плен и просто разбегаются, советский офицер писал: «Они уже понимают, что я пришел мстить за свой Коротояк, за дом, за Вас»⁹⁰.

Словацкие солдаты и офицеры в большинстве своем не проявляли большого рвения воевать за интересы Третьего рейха и нередко добровольно сдавались в плен или переходили на сторону партизан. В отношении к советскому мирному населению словаки также проявляли определенную доброжелательность. Так, по воспоминаниям очевидцев, из располагавшегося в Майкопе батальона аэродромного обслуживания «почти все словаки относились к населению хорошо, где-то помогали, а где-то и выручали»⁹¹. Снятые с фронта словацкие части выполняли охранные функции и участвовали в карательных операциях против партизан в Белоруссии, но в начале 1944 г. командование вермахта разоружило их и отправило на строительные работы в Румынию и Италию.

В составе вермахта находились и военнослужащие других национальностей, оставившие свой след в памяти россиян. В то же время следует отметить, что советские граждане далеко не всегда могли определить, кем именно являлись солдаты противника, разобрать, на каком языке они изъяснялись между собой. Так, в одном из сел Белоруссии местные жители приняли за финнов венгров⁹². И такие случаи были нередкими, особенно в сельской местности.

В целом, союзники Германии не оставили столь отрицательного следа в исторической памяти россиян, как немцы, что во многом объясняется развитием советской пропаганды, подчеркивавшей их подчиненное положение в рядах фашистской коалиции, которую ожидал неминуемый развал. Резкой критике подвергались правительственные органы, пошедших на сотрудничество с Гитлером, но не сами народы. Эренбург писал, что сражавшиеся под командованием Гитлера солдаты почти двух десятков национальностей – «либо запроданные Гитлеру рабы, либо ландскнехты, не имеющие родины. Пленные итальянцы, румыны, венгры в один голос повторяют: “Нас послали, а зачем, мы не знаем”. Словаки или хорваты, которых заставили воевать против русских, плачутся: “Мы тоже славяне...”. Насильно мобилизованные поляки, чехи ежедневно переходят линию фронта. Проходимцы из различных легионов – французского, бельгийского, голландского, датского, норвежского – предпочитают не воевать, а грабить... Они не скрывают, что от них отреклись родные в Париже или в Брюсселе, в Осло или в Копенгагене»⁹³. Поэтому в советской пропаганде больше внимания уделялось действиям французской эскадрильи «Нормандия–Неман», чем французских военнослужащих в составе вермахта: «У Гитлера нет французских “добровольцев”: сотню босняков и сутенеров не выдать за французский народ»⁹⁴.

Таким образом, советским войскам в годы Великой Отечественной войны противостоял разноликий и многонациональный противник, но его образ стал ассоциироваться преимущественно с немцами. Во многом это являлось результатом действий советской пропаганды, которая, как и пропаганда других стран, стремилась в годы войны придать образу «врага» более определенный этнический характер. Однако и население четко осознавало, что война ведется, прежде всего, с немцами («фрицами»). В то же время при личном контакте образ «врага» нередко терял свою цельность, при-

обретал дифференцированный характер, в зависимости от конкретных обстоятельств и результатов взаимодействия. После войны в СССР широко использовался труд военнопленных – немцев, венгров, румын, итальянцев и других иностранных граждан, отношение к которым постепенно смягчалось. Современные исследователи приводят примеры доброжелательного, сочувственного отношения к немецким военнопленным, даже случаи вступления с ними советских женщин в интимные и брачные связи⁵. Это стало одной из причин появления 15 февраля 1947 г. указа Президиума Верховного Совета СССР, запретившего браки советских граждан с иностранцами.

В целом же бывший противник, более не представлявший угрозы, переставал быть и «врагом», внушая, скорее, жалость, чем ненависть своим победителям. Тем не менее сложившийся в годы войны дискурс ненависти ретранслировался через художественные произведения, книги и кинофильмы, благодаря чему образ немца-врага продолжал еще долго сохраняться в исторической памяти россиян. Напротив, тема участия союзников Германии в войне замалчивалась, во многом потому, что советское руководство не хотело, чтобы память о прошлом разделяла страны, входившие в Организацию Варшавского договора. В начале 1950-х гг. отдельные офицеры – бывшие партизаны, фронтовики – даже не желали нести службу в группе советских войск в ГДР, несмотря на то что ее условия могли быть лучше, чем на Родине: «Я же [бывший] партизан, только скажут немцы, я уже кипеть начинаю. Говорю: “Я бы поехал, да немцев перебью всех”. И не поехал, отказался»⁶. Однако постепенно образ «врага» в лице немцев утрачивал свою актуальность для россиян. Уже сравнительно немногочисленные очевидцы событий военных лет в большинстве своем дифференцированно относятся к прежним «врагам», разделяя тех, кто действительно виновен в массовом насилии на оккупированной территории, и тех, кто «особо не зверствовал». Готовность понять мотивы бывших противников создает возможности для превращения войны из реальности, определявшей жизнь многих людей, в историческое событие, имеющее мемориальное значение.

Примечания

¹ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Чугров С.В. Россия и Запад: метаморфозы восприятия М., 1993; Щенетов К.П. Немцы – глазами русских. М., 1995; Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954. М., 1999; Оболенская С.В. Германия глазами русских (XIX век). М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1–5. М., 2000–2009; и др.

² Голубев А.В. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334–345; *его же*. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; *его же*. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: современные подходы. М., 2005. С. 151–172; *его же*. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008; *его же*. «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6. С. 3–27; и др.

³ Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение. (Историко-психологическое исследование.) М., 1995; *ее же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *ее же*. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *ее же*. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *ее же*. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 92–103; и др.

⁴ Невежин В.А. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х – начало 40-х гг.). М., 1999; *его же*. Если завтра в поход... М., 2007; и др.

- ⁵ Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. Красногорск, 1996. С. 144–147; Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 41–44; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Кринко Е.Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 329–344; Кринко Е.Ф., Рожков А.Ю. Память versus забвение: Великая Отечественная война в детских воспоминаниях // Bulletin. Deutsches Historisches Institut Moskau. № 3. Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez. 11–13. März 2008 (Дети войны. Материалы «круглого стола», Воронеж. 11–13 марта 2008, М., 2009. С. 37–47); и др.
- ⁶ Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. 1991. М., 1991. С. 181.
- ⁷ Сениянская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 257–263 и др.
- ⁸ Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 19.
- ⁹ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 382.
- ¹⁰ Леванова Р.М. Мои воспоминания о Великой Отечественной войне // Повседневная жизнь Коми края. Вып. 2. Сыктывкар, 2006. С. 109.
- ¹¹ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941. М., 1997.
- ¹² Воспоминания Л.М. Фроловой (Щербань), 1923 г. р., записаны автором 26 мая 2002 г. в Майкопе.
- ¹³ Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941–1945. М., 1985. С. 28.
- ¹⁴ Треногин И. Хотя и были мы мальчишками... // За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов – участников Великой Отечественной войны. Майкоп, 1995. С. 128.
- ¹⁵ Козлов В.И. Великая Отечественная (Воспоминания и размышления) // Молодая гвардия. 1997. № 7. С. 151.
- ¹⁶ Семияра М.И. Русские в Берлине. 1945 год // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 89.
- ¹⁷ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 17.
- ¹⁸ Из воспоминаний управляющего делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаева // Отечественная история. 2005. № 2. С. 11–12, 20.
- ¹⁹ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 382.
- ²⁰ Письма с фронта. 1941–1945. Краснодар, 1983. С. 17.
- ²¹ Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа // Молот. Орган Ростовского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся. 1941. 27 июня.
- ²² Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня – декабря 1941 года // Образ врага. М., 2005. С. 178.
- ²³ РГАСПИ. ф. 17, оп. 125, д. 59, л. 95–97.
- ²⁴ Левин И.И. Записки военного переводчика. Изд. 2. М., 1986. С. 64.
- ²⁵ Шолохов М.А. Наука ненависти // Шолохов М.А. Собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 17, 19.
- ²⁶ Эренбург И. Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. Изд. 2, доп. М., 1983. С. 21.
- ²⁷ Там же. С. 34.
- ²⁸ Там же. С. 124.
- ²⁹ Эренбург И. Война. 1941–1945. М., 2004. С. 189.
- ³⁰ Там же. С. 220.
- ³¹ Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М., 2005. С. 221.
- ³² Эренбург И. Война. 1941–1945. С. 257.
- ³³ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1950. С. 207.
- ³⁴ Толстой А.Н. Собр. соч. Т. 10. М., 1961. С. 482.
- ³⁵ Там же. С. 515.
- ³⁶ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 382.
- ³⁷ Шорцы – тюркоязычный народ, живущий в юго-восточном углу Западной Сибири, главным образом на юге Кемеровской обл. До революции шорцы считались православными, хотя фактически у них сохранялись шаманство и промысловые культы.

- ³⁸ *Эренбург И.* Летопись мужества. С. 54.
- ³⁹ Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958.
- ⁴⁰ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д., 1947. С. 14.
- ⁴¹ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 252.
- ⁴² *Эренбург И.* Летопись мужества. С. 292.
- ⁴³ *Эренбург И.* Война. 1941–1945. С. 97.
- ⁴⁴ Как германские оккупанты уничтожали и громили наш народ в 1918 году. М., 1941; Как русский народ бил немецких захватчиков. М., 1941; и др.
- ⁴⁵ Рассказы детей Подмосковья о немецкой оккупации, записанные Комиссией ЦК ВКП(б) по составлению хроники Великой Отечественной войны. 1941 г. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. М., 1993. С. 375.
- ⁴⁶ Там же. С. 378–379.
- ⁴⁷ РГАСПИ, ф. М-1, оп. 32, д. 95, л. 232–233.
- ⁴⁸ Там же, л. 206.
- ⁴⁹ Там же, л. 235.
- ⁵⁰ *Вашик К.* Указ. соч. С. 210.
- ⁵¹ Государственный архив Краснодарского края, ф. Р-807, оп. 1, д. 14, л. 3, 8, 12.
- ⁵² Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 347–348.
- ⁵³ Там же. С. 417–419.
- ⁵⁴ Там же. С. 552.
- ⁵⁵ Там же. С. 723.
- ⁵⁶ Там же. С. 523.
- ⁵⁷ Там же. С. 260–261.
- ⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 117, л. 149–149 об.
- ⁵⁹ *Симонов К.М.* Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М., 1981. С. 488.
- ⁶⁰ Письма с фронта. 1941–1945 гг. С. 192.
- ⁶¹ Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 231.
- ⁶² Письмо Пунева Т.П. с фронта матери в с. Кугульта Ставропольского края // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный бюллетень. Вып. 3. Воронеж, 2005. С. 202.
- ⁶³ Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО), ф. Р-4408, оп. 1, д. 7, л. 44 об.
- ⁶⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 706.
- ⁶⁵ Немцы на улицах Москвы: год 1944-й // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 47.
- ⁶⁶ *Штейдле Л.* От Волги до Веймара. М., 1973. С. 328.
- ⁶⁷ Воспоминания Р.П. Пихтиревой, 1930 г.р., записаны автором в п. Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.
- ⁶⁸ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 706.
- ⁶⁹ Немцы о русских. М., 1995. С. 10.
- ⁷⁰ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 710.
- ⁷¹ ГА РФ, ф. Р-7021, оп. 16, д. 550–551, 561–562, 583–584 и др.
- ⁷² См. подробнее о воспоминаниях «восточных рабочих»: *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2002; *Гринченко Г.Г.* Принудительный труд в нацистской Германии: историческая память и проблемы анализа биографических интервью // Вторая мировая война в памяти поколений: Сборник научных статей. Краснодар, 2009; *Кринко Е.Ф.* Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Там же. С. 42–60 и др.
- ⁷³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 142, л. 58–58 об.
- ⁷⁴ *Эренбург И.* Летопись мужества. С. 251.
- ⁷⁵ Электронный ресурс: Крутских Дмитрий Андреевич (лейтенант). Часть I. Финская война. URL: [http://army.lv/ru/Krutskih-Dmitriy-Andreevich-\(leytenant\).-Chast-I.-Finskaya-voyna/995/1669](http://army.lv/ru/Krutskih-Dmitriy-Andreevich-(leytenant).-Chast-I.-Finskaya-voyna/995/1669).
- ⁷⁶ См.: *Шнеер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М., 2005.
- ⁷⁷ Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007. С. 41, 42, 43, 76, 98 и др.
- ⁷⁸ Там же. С. 122, 196 и др.
- ⁷⁹ Там же. С. 136, 206.

⁸⁰ Там же. С. 133, 142.

⁸¹ *Сенявская Е.* «Образ врага» и «бычье упрямство». Как русские и финны показывают друг друга в «военном» кино // *Красная звезда*. 2005. 7 июня.

⁸² *Шолохов М.А.* На Юге // *Шолохов М.А.* Собр. соч. Т. 8. С. 150–151.

⁸³ *Эренбург И.* Война. 1941–1945. С. 50.

⁸⁴ *Сенявская Е.С.* Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества. С. 102.

⁸⁵ *Филоненко С.И.* Трофейные документы итальянского альпийского корпуса, разгромленного на Верхнем Дону в январе 1942 г. // *Воронежский вестник архивиста*. Научно-информационный бюллетень. Вып. 3. Воронеж, 2005. С. 216–225.

⁸⁶ Воспоминания Л.В. Есипенко, 1928 г.р., записаны автором в п. Краснооктябрьском Майкопского района 7 июля 1994 г.; Воспоминания М.Г. Емтыль, 1928 г.р., записаны автором в Майкопе 25 февраля 2000 г.

⁸⁷ Электронный ресурс: Елизавета Кучерявых. URL: <http://www.iremember.ru>.

⁸⁸ *Голубев А.В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // *Проблемы российской истории*. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 351.

⁸⁹ Электронный ресурс: Венгерская тишина – 2. URL: <http://www.geocaching.ru/?pn=101&cid=6425>.

⁹⁰ ГА РО, ф. Р-4451, оп. 1, д. 16, л. 12.

⁹¹ *Берненко Ю.* Тяжкий сон остался позади // *Майкопские новости*. 1993. 19 января.

⁹² Электронный ресурс: Другая история Цениного сада. URL: <http://www.veneva.ru/vovl.html>

⁹³ *Эренбург И.* Летопись мужества. С. 188–189.

⁹⁴ *Эренбург И.* Война. 1941–1945. С. 145.

⁹⁵ *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). Очерки и документы. Вологда, 2009. С. 200–201 и др.

⁹⁶ Воспоминания В.М. Чуканова, 1925 г.р., записаны автором в г. Майкопе 27 июля 2002 г.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОЦЕСС ПЕРЕМЕН: ОТ ПОЗДНЕГО СССР К ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

© 2010 г. Я. Д. ГАЛИМОВА *

ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)

В рассматриваемый период – между концом хрущевского времени и приходом к власти М.С. Горбачева – образ Японии, складывавшийся в советском обществе, формировался под влиянием различных объективных и субъективных факторов¹. Значительное воздействие на представления советских людей о Японии оказывало состояние советско-японских отношений, в свою очередь обусловленных противостоянием СССР и США. После официального установления в 1956 г. дипломатических отношений между Японией и СССР для советских людей существенно расширились возможности в получении информации из разнообразных источников. В разгар Вьетнамской войны в 1969 г. Япония подписала с США новый «договор безопасности», что повлекло за собой преобладание идеологизированного подхода в оценках этой страны. На страницах официальных изданий, в трудах отечественных исследователей стал распространяться стереотип: Япония – потенциальный противник СССР.

* **Галимова Яна Дмитриевна**, преподаватель городского лицея при Магнитогорском государственном университете.